

МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

То, что боги существуют, – это я не буду оспаривать,
но буду оспаривать доказательства.

Марк Туллий Цицерон

Ж.Т. ТОЩЕНКО

Как Вы, уважаемый читатель, относитесь к таким данным социологических исследований: в России считают себя православными от 60 до 75% людей, а на вопрос о том, верят ли они в Бога, признаются в этом на 20 – 25 % меньше. Как это – быть православным и не верить в Бога? А возможно ли такое? Нет ли здесь какого-то противоречия или недопонимания, путаницы? Более обстоятельный анализ показал, что для многих быть православным – это значит признавать свою принадлежность к русской (славянской) культуре, гордиться своим народом, признавать историческую заслугу православия в формировании духовного облика своей нации. А вера в Бога – это уже другая система отсчета – личностное отношение к некоторым основополагающим взглядам на мир, на природу и общество, которое в своей основе имеет веру, а не научные данные.

Есть и такие, кто признает, что они верят в Бога, но при этом ни разу в течение года не бывали в церкви (и таких насчитывается еще 25 – 30%). А можно ли считать их истинно верующими? Те же социологические исследования говорят, что воцерквленных, т.е. постоянно и регулярно соблюдающих каноны и догмы церкви, насчитывается не более 7 – 9% (патриарх Кирилл в июне этого года назвал цифру в 10 – 12%). Напомним также, что, согласно статистическим и социологическим данным, число носителей мусульманской культуры (религии) составляет 9 – 11% от всего населения России (кстати, среди них тоже есть люди, не верящие в Аллаха, но отождествляющие себя с исламском культурой). Несколько процентов населения России составляют буддисты и доли процентов приверженцы остальных конфессий, которых в России превеликое множество. Думаю, что такое отношение взрослых людей к религии можно экстраполировать на их семьи, отношение которых к религии распределяется примерно в той же пропорции.

Как же в этой ситуации определить – *кого, как и кому учить?* Несомненно, что в семьях воцерквленных ответ будет однозначным – детям надо преподавать православную (мусульманскую, буддийскую) культуру. Но будет ли ответ на этот вопрос таким же в семьях, которые частично (или немного) верят

или просто следуют моде, ибо «так принято» в настоящее время? Исследования социологов показали, что 70 – 80% родителей, признававших важность ознакомления с православной традицией и поставленных перед необходимостью послать своего ребенка с 1 апреля 2010 г. на обучение основам православной культуры, из предлагаемых шести вариантов выбрали все же светскую этику. Это вызвало бурю протеста Московского патриархата. Ее представитель протоиерей, профессор Московской духовной академии А. Кураев обвинил социологов и органы народного образования в фальсификации социологических данных, в поощрении безбожия и насилия над выбором ребенка. Его возмущает сам факт, что при 60% признающих важность православия (а это практически равно трем четвертям численности славянского населения России) только 20% решили послать своих детей обучаться основам православной культуры. Он заявил, что Министерство образования и науки провалило процесс подготовки эксперимента и что родители учащихся из 19 регионов, где он проводится, были лишены права выбора.

Возникает вопрос: а на что, собственно, рассчитывают инициаторы этой акции, какие цели преследуют, чего добиваются? Церковь во всех ее заявлениях и декларациях претендует на то, чтобы нести, разъяснять, пропагандировать и внедрять духовно-нравственные ценности. Цель, несомненно, благородная, но соответствуют ли эти заявления реальным тенденциям и процессам, происходящим в общественном сознании? Не выдается ли желаемое за действительное? И может ли церковь претендовать на то, что *только она* несет вечное, незыблемое, что она является единственным представителем добра и нравственности?

Немного истории

Как Вы думаете, когда возникла мысль о том, чтобы нести слово Божье в массы молодежи через систему образования? Мы не будем ворошить древние страницы истории, а проанализируем современные реалии, реалии постсоветской России, когда церковь освободили практически от всех ограничений, и она стала способной высказывать свои мнения и предложения по любому интересующему ее вопросу. Напомним только, что в Советской России в 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», согласно которому граждане могли обучать своих детей религии и обучаться сами только в частном порядке. В Конституции РФ 1993 г. Россия была провозглашена светским государством, что задавало основной принцип взаимоотношений светской школы и церкви. Но вот Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, выступая на заключительном заседании X Международных Рождественских чтений в храме Христа Спасителя, заявил, что Русская право-

славная церковь ставит вопрос о введении в средних учебных заведениях предмета «Основы православной культуры». «Каждый наш соотечественник должен знать историю своей культуры», — объяснил он. И для усиления своей аргументации добавил, что «молодежь сегодня особенно нуждается в нравственном духовном стержне»¹. В такой постановке проблемы смещены и подменены многие вопросы: является ли религия единственным и постоянным творцом духовной культуры, является ли церковь таким же единственным источником нравственности, как быть со свободой совести и, наконец, как это мнение согласовать с тем, что Россия является светским государством, в котором школа отделена от церкви, а церковь от государства и соответственно от государственных организаций и учреждений?

Пытаясь «соответствовать времени», 22 октября 2002 г. министр образования России тех лет В. Филиппов разослал по школам «Примерное содержание по учебному предмету “Основы православной культуры”», что было оценено общественностью как «первая попытка Минобразования внедрить религиозный предмет в школьную программу». Реакцией на это действие стали резкие высказывания, активный протест общественности против кликушествовавших и подставных фигур, которые видят только свои интересы, нисколько не заботясь о перспективах развития общества, о тех последствиях, к которым могут привести эти решения. И хотя Министерство пошло на попятную, вопрос остался открытым и считался лишь отчасти решенным. В 2004 году В. Филиппов все же уточнил, что «православный компонент будут вводить в школы по желанию субъектов РФ», что «первоначально вопрос стоял довольно жестко: пускать православие в школы или нет. Сейчас, когда вопрос решен, наше дело оформить внедрение православного компонента в среднее школьное образование мягким образом». И что еще удивительнее, если раньше речь шла об «Основах православной культуры», то теперь она стала идти о курсе православного вероучения — фактически о преподавании Закона Божьего. Более того, последовало разъяснение: если раньше речь шла о факультативном преподавании основ православия, то сейчас предмет вводится в рамках регионального компонента (т.е. может быть обязательным) без учета мнения детей и их родителей — решать будет «субъект РФ», т.е. чиновник².

Другие чиновники, вроде бывшего зам. министра образования Л. Гребнева, стали произвольно трактовать некоторые идеи в том смысле, что, «если русский язык обязателен для всех, то и с православными ценностями мы должны знакомить всех, независимо от того, какой религии они придерживаются (!)»³. И это мы слышим из уст государственного чиновника в той стране, где школа отделена от церкви!

Реакция на такие установки православных священнослужителей и позицию Минобразования не заставила себя ждать. Представители других религий (а всего в России на 1 января 2003 г. зарегистрировано 62 конфессии) поставили вопрос об их допуске в школы. Так, на республиканской научно-практической конференции в Дагестане мусульманское духовенство выразило свое недовольство тем, что в школьном и вузовском образовании нет места богословским исламским дисциплинам. Одновременно Исламское движение «НУР» в программе своей деятельности поставило своей целью внедрить за счет государства в школьное образование обучение канонам мусульманской религии. В Дагестане в ряде школ гуманитарные предметы стали вести представители духовенства⁴.

Протест против преподавания в средней школе «Основ православной культуры» выразили и иерархи других конфессий. «Обучать детей православия на том основании, что большинство людей в стране исповедует эту веру, — считает главный раввин России Б. Лазар, — неправильно. А преподавать теологические основы всех религий, которые исповедуют люди в России, нереально». Председатель российской ассоциации буддистов А. Койбагаров полагает, что «введение религиозного обучения в школе под любыми соусами, притом с предпочтением одной-двух религий, загоняет нас в Средние века, отбрасывает от идеала неидеологизированного и веротерпимого государства». Против преподавания в школах исключительно основ православия выступил и глава российских католиков Тадеуш Кондрусевич, однозначно придерживающийся того, что надо «строго различать знание и веру, преподавание истории религий и катехизацию»⁵. Не менее выразительно прозвучали слова и официального представителя российских протестантов Игоря Ковалевского о том, что государство должно способствовать развитию религиозного образования в конфессиональных, а не в общеобразовательных школах, на чем настаивает РПЦ⁶. Еще более жестко и определенно высказался ректор Московского исламского университета Марат Муртазин, сказав, что одностороннее введение в школьную программу преподавания одной религиозной культуры без учета других делает мусульман людьми «второго сорта». При этом он подчеркнул, что он против того, чтобы детям преподавалась религия, так как, по его мнению, «в школе не должно быть никакой религиозной пропаганды»⁷.

Самое печальное в этой ситуации — в том, что такое решение ведет «к использованию религиозных чувств граждан в идеологических, а, значит, в конечном счете, и в политических целях»⁸.

Кроме того, возник еще один принципиальный вопрос. А что делать с неверующими, атеистами? Называть их диссидентами? Или насильно обращать в религиозную веру? Но это вряд ли удастся, если и сейчас открыто признают себя неверующими

от 30 до 40% населения. Да и как решать вопрос — кому преподавать? Спрашивать родителей? Или самих детей?

В этой ситуации потребовалось вмешательство науки. После многочисленных и достаточно острых дискуссий все больше стало утверждаться мнение, что если и вводить в школы новый учебный предмет, содержащий в какой-либо форме знания о религии, то нужно создать курс «Основы мировых религий». По заявлению академика А. Чубарьяна, группа специалистов подготовила учебник, который вводит ученика в сложный мир конфессиональных отношений и дает представление об основных (мировых и национальных) религиях. Однако клерикалы не унимались. Помимо громогласных заявлений, резолюций и настояний они попытались получить поддержку и от зарубежных политических деятелей. Однако верховный комиссар Совета Европы по правам человека Альваро Хиль-Роблес, хотя и поддержал в основном идею по введению курса «Основы православной культуры», но добавил, что «необходимо одновременно изучать основы и других основных религий». Это не устроило Алексия II, который обратил внимание Совета Европы на то, что «православные составляют абсолютное большинство населения, поэтому необходимо, чтобы дети прежде всего изучали ведущую религиозную традицию своей страны». Эту позицию он еще раз подтвердил в январе 2006 г., выступая на ежегодной конференции, посвященной проблемам православия. Одновременно он неслестно отозвался о готовящемся учебнике по мировым религиям, который, как и ему подобные, «мало чем будут отличаться от пособий по научному атеизму советского времени»⁹. Его поддержали и другие представители РПЦ. По словам епископа Егорьевского Марка, «преподавание абстрактной “истории религий” не приводит к результатам, которые церковь вправе ожидать от религиозного воспитания подрастающего поколения».

И вот спор вроде бы закончен. Осознав опасность вспышки религиозной вражды, обострения отношений в обществе на конфессиональной основе, в настоящее время приняли решение, что преподавать в школе только одну православную культуру не будут. Ученикам будет предоставлен выбор из трех вариантов — изучать одну из основных религиозных культур, знакомиться с историей всех религий одновременно или сосредоточиться на светской этике. Священников в школе не будет — будут специально подготовленные учителя. Вроде бы благоразумие восторжествовало. Школа по-прежнему отделена от церкви. Представлена свобода выбора. Урезаны притязания РПЦ, удовлетворены пожелания представителей других религий. Выбирать будут ученики или их родители.

Но все ли будет так благостно и радостно как решено? Давайте представим себе возможные последствия как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе.

Краткосрочные, ближайшие проблемы

При решении судеб образования как государственным чиновникам, так и религиозным деятелям следует обратить внимание на данные всероссийских социологических исследований. Как реагирует население на предложение о введении в школьные программы преподавания знаний о религии? В ИСПИ РАН были получены следующие ответы: 7% опрошенных высказались за то, чтобы школьники могли изучать основы любой религии по выбору, 24% — за преподавание предмета «История религий», 12% настаивают на том, что религия не должна преподаваться в общеобразовательной средней школе ни в какой форме. Показательно (и это должны знать клерикалы): всего лишь 6% высказались за то, что школьники должны изучать «Основы православной культуры» и еще 17% допускают такую возможность, но только при желании школьника или его родителей. Вот и получается парадокс: духовенство и некоторые государственные мужи жаждут доказать «мудрость и правильность» клерикализации школы при очень неоднозначном отношении населения к их инициативе.

Иначе говоря, эти данные далеко не совпадают с характеристикой уровня и степени религиозности населения: отношение к преподаванию религиозной культуры в школе самое противоречивое. При этом следует учесть, что только в теории, в абстрактном представлении, школьников можно поделить на достаточно четкие группы по принадлежности к той или иной конфессии или по отношению к религии вообще. В реальности большинство российских школ охватывает пестрый по составу контингент учащихся, среди которых склонные к определенной религии могут составлять единицы. Возникает вопрос, как же в таком случае организовывать уроки? Только для преобладающего большинства? А с какого количества начинать комплектовать соответствующие группы? А если, например, в русских школах окажется несколько учеников-мусульман (или, скажем, буддистов) или в мусульманских школах (например, в Дагестане) несколько учеников-христиан, причем необязательно православных, то как поступать с ними? И не будет ли на них оказано давление, чтобы присоединить их к большинству? Такие ситуации уже были и соответственно были протесты родителей (как в Белгородской и Воронежской областях) против принуждения детей посещать уроки, на которых велось преподавание основ преобладающей в данном регионе православной конфессии. А если еще учесть существование приверженцев малочисленных религиозных ориентаций, то как быть с ними? Что им посещать? Или вообще ничего не посещать? Но где тогда реализация права свободы совести?

Не менее сложной является проблема учительских кадров. Перед началом 2003/2004 учебного года был проведен анализ того, как относятся к предложению Министерства о введении

курса «Основы православной культуры» организаторы народного образования, директора и учителя школ. Опрос показал, что в большинстве областей этот курс не вводился (родители не сделали заявок и не выразили пожеланий), а в ряде школ вводился факультативно, по выбору. Даже в тех регионах (как, например, в Екатеринбурге), где было подписано соглашение о сотрудничестве с епархией, предполагавшее помимо всего прочего преподавание детям православия, фактически отказались от этого эксперимента, ибо, как заявил министр образования Свердловской области В. Нестеров, «воинствующее православие ничем не лучше воинствующего атеизма». В Калининградской области из 281 школы на это нововведение согласились 55 (и то вопрос: кто его поддержал – директора-клерикалы, приспособленцы и лицемеры или родители?). Именно религиозно настроенные руководители Волгоградской области (одни из немногих) стали внедрять это решение Министерства – организовали спецподготовку учителей, которые должны были вести преподавание этого предмета, создали методические центры. Тем не менее им пришлось признать, что часть подготовленных учителей так и осталась невостребованной. Другие клерикалы в школе стали искать способы добиться желаемого, утверждая, что данная дисциплина – это не факультативный, а вариативный компонент учебного процесса. И добились своего, как в Белгородской области, где решили проявить себя как приверженцы православных ценностей, закрепив это специальным распоряжением губернатора.

И что из этого получилось? Я согласен со словами В. Белова, преподавателя религии, человека глубоко верующего, и читателя В. Столярова, которые протестовали против огульного охвата всех и вся преподаванием закона Божьего или «Основ православной культуры» (на чем особенно настаивают клерикалы). Они считают, что основные проблемы религии достаточно полно освещаются на уроках истории, а проблемы этики – на уроках литературы. Далее, для тех, кто хотел бы получить знания, касающиеся религии, в большем объеме, есть православные гимназии, воскресные школы. Вернемся к вопросу: а кто будет преподавать? Кадров, способных к выполнению этого задания, практически нет. («Зная уровень школьных учителей и местных священников, – пишет В. Столяров, – можно предвидеть, какое они устроят махровое занудство»). И, наконец, насильственное внедрение этих предметов приведет к тому, что эти начинания «могут породить атеизм, который будет пострашнее воинствующего безбожия 20 – 30-х годов прошлого столетия»¹⁰. Поэтому справедливы слова бывшего руководителя Департамента образования г. Москвы Л. Кезиной: «Вот когда появится закон, соединяющий церковь и школу, тогда вопрос о преподавании православной культуры можно рассматривать». Насколько велики оказались «аппети-

ты» у клерикалов, говорит и такой факт: для преподавания этого предмета рекомендовалось выделить в школьной программе 544 часа (для сравнения: историю в российской школе изучают в объеме 68 часов в год или 476 часов за весь школьный курс)¹¹.

В связи с таким наступлением клерикалов на светскую школу стоит еще раз напомнить, что Россия является светским государством (по Конституции), в ней нет места для государственной религии, а кроме того она является страной многоконфессиональной. Поэтому обучение основам религиозной культуры должно носить познавательный, воспитывающий в духе толерантности характер, о чем достаточно определенно сказал Президент РФ. Иначе говоря, граждане страны, включая и школьников, конечно, должны получать основы знаний о религии, а в какого Бога верить и по какому обряду молиться, пусть выбирают сами, без принуждения – ведь на это и есть гарантированная Конституцией свобода совести, свобода вероисповедания.

В такой ситуации православной церкви нужно было бы проявить максимальную деликатность и не побуждать представителей других конфессий относиться к православию как врагу. Завидная настойчивость православных иерархов, с которой они пытались внедрить в практику школьного преподавания весьма сомнительный в научном отношении учебник Аллы Бородиной «Основы православной культуры», обернулась против его радетелей и нанесла православию большой вред во всех отношениях, в том числе и нравственном, тем более что, как справедливо замечает А. Архангельский, в этом учебнике «разжиженное православие смешано с полунационализмом». Однако реальность опровергла все разумные доводы и предупреждения: мнение народа клерикалам не указ, поэтому уже с 2006/2007 учебного года в 4-х областях России в обязательном, а в 11-ти – в факультативном порядке начали преподавать «Основы православной культуры».

Показательно в этом отношении требование «Послания Всемирного саммита религиозных лидеров», принятого в июле 2006 г. на Московском международном форуме религиозных деятелей мира: «Вернуть полноту знаний религиозных традиций должна школа». Принятие этого пункта, считалось, поможет РПЦ настоять на преподавании основ православной культуры, чему сопротивлялись многие представители общественности, но чьи возражения и сомнения церковь надеялась преодолеть при помощи авторитета международного документа¹².

В свое время оценку происходящему в образовании дал академик В. Гинзбург, отметив, что в школе учащиеся должны «получить связанные с религиями сведения, необходимые для понимания художественной и иной литературы, особенно прошлых веков». И делать это необходимо на уроках истории, обществоведения или на специальных уроках культурологии.

Но, замечает академик, «православные круги и под их давлением Министерство образования упорно пытались и пытаются ввести в школах фактически закон божий с православным акцентом». Апеллируя к воспитанию высокой нравственности и духа, церковь стремится распространить религиозное мировоззрение в молодежной среде, т.е. сформировать теистическое восприятие мира, органически связанное с верой в чудеса. По мнению ученого, все это однозначно противоречит центральной задаче школы — дать учащимся современное научное знание.

Следует учесть и позицию Российской академии наук, в мае этого года присоединившейся к заявлению (декларации) 68 Академий многих стран. Согласно этой позиции, в преподавании надо придерживаться эволюционистской картины мира, которая имеет огромное количество доказательств в отличие от креационистской, базирующейся только на вере.

Говоря о **краткосрочных последствиях** введения в преподавание основ религиозной культуры, не надо исключать и провокационности некоторых действий сторонников клерикализации школы, которые идут на манипулирование сознанием людей и, соответственно, подтасовку фактов, доказывая совместимость религиозной пропаганды и обучения основам современного научного знания и пытаясь опорочить тех, кто придерживается иного мнения. Так, в Томском институте повышения квалификации учителей распространялся документ, составленный по результатам опроса родителей, в котором содержался вопрос, считают ли родители патриотизм ценностью, которая должна быть сформирована у их ребенка. Если да, ребенку таких родителей рекомендуются модули 1 — 5-й, если нет — модуль 6 (модули 1 — 5 соответствуют основам религиозных культур, модуль 6 — светской этике. — *Ж.Т.*). Когда эти документы стали достоянием общественности, представитель Минобрнауки РФ И. Римаренко вынужден был прокомментировать эту ситуацию следующим образом: «Это не шутка? Вопросы абсолютно некорректны. Видимо, это те самые перегибы на местах, которых не должно быть»¹³.

Долгосрочные последствия

Их рассмотрение хотел бы начать с анализа некоторых параллелей.

После потрясшей страну кровавой войны в Нагорном Карабахе я встретился с молодым коллегой из Азербайджана и на вопрос о его отношении к ней, услышал ответ: «Я воевал, стрелял, выполнял все, что положено солдату в войне с врагом. Но я думаю, что если бы оставался СССР и у меня бы не отобрали право называться советским человеком, то никакой войны с Арменией у нас бы не было. А кто я сейчас? Я сейчас азербайджанец. И как таковой я должен защищать интересы своей страны, своей нации». Говоря

языком науки, человека лишили гражданской наднациональной идентичности — быть советским человеком, что было в его жизни главным, ведущим ориентиром. Как и для большинства. Но свято место пусто не бывает. Человек должен найти ответ на вопрос — а кто я сейчас? И очень многие люди такой ответ нашли в том, что их принадлежность к тому или иному народу стала самой важной чертой их мировоззрения. Иначе говоря, люди раскололись по национальному признаку. И хотя в паспортах убрали пятый пункт (о национальности), на деле, в реальной жизни он стал преобладающей, главенствующей характеристикой. Этнонационализм расцвел пышным цветом. Он стал торжествовать во всех отношениях и во всех сферах. На производстве появились национальные бригады. В армии стали набирать силы группы, соблюдающие в первую очередь традиции и обычаи конкретных народов. В вузах постепенно стала складываться тенденция формирования объединений по национальным квартирам, которые, как и на производстве, как и в армии, олицетворяли стабильность положения человека этой группы, защиту и взаимопомощь по этническому принципу. На повестку дня стали выдвигаться проблемы совместного проживания в городах людей определенной национальности. Возникли группы, проповедующие расистские, шовинистические и даже фашистские взгляды. А апофеозом стало политическое размежевание по национальному признаку, когда принадлежность к «титульной» нации гарантирует продвижение по службе, использование привилегий, обеспечивает социальное положение, предоставляет определенные привилегии по сравнению с другими людьми.

Иначе говоря, произошел еще один раскол в обществе — он дополнил раскол по социальному (кто ты по положению в обществе), по материальному (богатый или бедный), демографическому (старое, «отжившее» поколение или поколение «новых», молодых людей), культурному (например, по причастности к престижному образованию) критериям. Этот раскол все больше и больше расширялся, стал влиять на решение всех без исключения общественных, групповых и личных проблем.

Начала складываться чрезвычайно опасная ситуация, так как ни одна из названных идентичностей — ни этническая, ни социально-экономическая, ни демографическая — не может быть ведущей в обществе, претендующем на то, чтобы обеспечить существование единого, целеустремленного, сплоченного организма. ***И вот теперь нам рекомендуют уже на официальном уровне узаконить еще один раскол — по конфессиональному признаку. А он не может принести ничего иного, как обострение ситуации, противопоставление людей друг другу по религиозному принципу, рост недоверия, ксенофобии.***

На наш взгляд, ***в нормальном обществе должна господствовать одна — гражданская — идентичность***, т.е. такая,

которая бы объединяла, примиряла людей, помогала им согласовывать свои интересы и, в конечном счете, чувствовать себя единым сообществом. Религиозная идентичность этого сделать не сможет никогда. Она может только усилить разобщенность и привести к прямо противоположному результату.

В свое время в нашей стране такую объединяющую функцию выполняло понятие и представление о советском человеке. Что бы о нем бы ни говорили, как бы ни унижали нас представлениями о совке, в котором усилиями некоторых «специалистов» были собраны самые негативные черты, встречающиеся в человеческом сообществе. А между тем эта идентичность выполняла функции гражданские, объединяющие, общие, характерные для подавляющего большинства народа. Именно эта главная, гражданская идентичность и является основой существования и функционирования общества. Нет ее — нет единства общества. Именно она делает людей сопричастными и заинтересованными персонами данной страны. При всех недостатках и издержках формулы «советский человек», это определение играло огромную наднациональную роль, позволяло чувствовать и признавать нечто общее, что объединяло людей в единое целое. Ведь в период Великой Отечественной войны все воины выступали не под именем одной из наций, не под именем одной из религий, и даже не под именем одного из классов, а под именем красноармейца, советского солдата, которым мог оказаться представитель любой из более 250 наций и народностей Советского Союза.

Эта идентичность — советский человек — помогала в решении огромного количества текущих и главных проблем жизни нашего общества. Как один из участников комсомольскихстроек Сибири, могу засвидетельствовать тот факт, что на этих стройках принадлежность к той или иной нации демонстрировалась уже за пределами рабочего времени — при праздновании особых дней своего народа, в рамках художественной самодеятельности и иногда при демонстрации особенностей национальной кухни. В остальном господствовал один критерий — кто ты как работник. И именно по этому параметру выносилась оценка человеку, строились его взаимоотношения с окружающими тебя людьми.

В этой связи хотелось бы напомнить еще один немаловажный вывод, сделанный комиссией по экономическому росту Всемирного банка, состоящей из бывших президентов, премьер-министров и некоторых видных экономистов. Обсуждая успехи стран, добившихся серьезных достижений в экономике, в социальной и политической стабильности, они сделали вывод, что «эти страны отличаются общей чертой — и эта черта есть отчетливый общенациональный консенсус по поводу долгосрочных целей развития»¹⁴.

Исходя из всех этих предпосылок и условий, на наш взгляд, наступило время, когда мы должны определиться — кто же мы. Понятие о россиянине, хотя и не ставится под сомнение, особенно не приветствуется, и тем более не пропагандируется, не разъясняется. На него не обращают внимания и средства массовой информации. Вместо этого нам предлагают определиться — кто мы по религиозной принадлежности, более того, настаивают на этом и даже угрожают, что непринятие этой идентичности приведет к духовно-нравственному кризису.

Для этого делаются далеко идущие попытки оправдать и осуществить вмешательство в процесс обучения, в результате чего появился удивительный гибрид, выдаваемый за принципиально новый вид образования — *«светское религиозное образование»*(?!). Такого кентавра еще не знали ни наука, ни религия. Но претензии клерикалов безмерны и беспредельны, а в ряде случаев и направлены против государственных интересов. Как показывает жизнь, они ложны и в стратегическом отношении, ибо подрывают будущее народов, вызывая взаимную неприязнь, недоверие и ненависть.

К чему может довести пропаганда так называемой религиозной культуры через школьные учебники, показывает деятельность имама Багаутдина Мухаммада, идеолога вторжения Басаева в Дагестан, который еще в 1992 г. написал учебник арабского языка для самых маленьких детей, построенный по принципу «подкорочного запоминания». В простых для запоминания текстах (про поход в зоопарк, про заготовку сена, про папу и маму) разбросаны идеологические постулаты перманентной войны с гяурами, «государства Ислама», информация об устройстве оружия и т.д. Вот некоторые образчики этого текста: «Ислам — лучший строй. Все остальные строи — строи сатаны», «Свобода только в Исламе», «Большим и маленьким государствам необходимо объединиться во всем мире и создать Великую Исламскую Державу», «Да поможет Аллах нам против врагов Ислама». Даже из этих лозунгов понятно, почему этот деятель объявил джихад России, почему он пригласил деятелей ваххабизма в республику и почему сам организовал и возглавил ваххабистскую общину в селах Карамахи и Чабанмахи, которые российским войскам пришлось брать штурмом как прекрасно оборудованные в военном отношении крепости.

Учебник был издан стотысячным тиражом организацией, зарегистрированной в печально известном Кизляре (напомню, он связан с походом Радуева), а финансировала это издание «Международная организация поддержки Тайбах» со штаб-квартирой в Вашингтоне¹⁵. К тому времени, как на него обратили внимание, он уже использовался в школьном преподавании в Дагестане почти 10 лет и, несомненно, сыграл достаточно зловещую роль

в том, что Дагестан стал превращаться в зону напряженности и террора и в первую очередь против Российского государства как «власти гяуров». Именно такие учебники способны формировать не просто ложное, а враждебное, агрессивно настроенное сознание, направленное против светскости государства и общества, призванное строить народное единство на основе религиозных ценностей только одной конфессии.

Обучение основам религии и настойчивость в преподавании религиозной культуры могут иметь и неожиданные последствия, что неоднократно подтверждала история: чем больше церковники давили на общественное сознание, тем больше они встречали сопротивление, тем больше появлялось тех, кто не пассивно, а активно боролся с религией.

Стоит прислушаться и к тому, что *клерикализация школы не может быть ни чем иным, как миной замедленного действия, прологом все увеличивающейся ксенофобии, предтечей обострения взаимоотношений между представителями разных конфессий вплоть до религиозных столкновений.*

С точки зрения долгосрочной перспективы предстоит решить кардинальный, очень значимый вопрос — о соответствии формы преподнесения информации и знания о религии личностному содержательному запросу на такую информацию. Общество должно понимать, что преподавание должно максимально совпадать (или, во всяком случае, не идти вразрез) с тем, насколько и как готов человек воспринимать религиозоведческий материал. Иначе начинает складываться социально-когнитивный конфликт, который либо вытесняется учащимся вовне, и тогда знания, получаемые в школе, перестают рассматриваться как истинные; либо эти знания вызывают у учащегося внутренние проблемы, которые перерастают в конфликт внутриличностный. Исследователи отмечают, что «в первом случае происходит утрата доверия к школе и затра-та многих усилий и средств впустую; во втором случае растет вероятность достаточно серьезных и непредсказуемых коллизий нравственно-мировоззренческого кризиса, усиленных подростково-юношеским максимализмом»¹⁶.

Где же выход?

Главный просчет (и опасность) решения о введении в школу рассматриваемого курса заключается в том, что оно закладывает еще одно мощное и возможно главное основание для раскола российского общества — по принципу религиозной веры. Наряду с другими видами раскола — социальным, экономическим (материальным), этническим, этот раскол несет в себе разрушительные начала в еще большей мере, чем остальные, ведь вера опирается не на разум, а на чувства, предпочтения, внушение, и

именно они, проникая в массовое сознание, способны посеять семена недоверия в большей мере, чем любой другой раскол.

И эта опасность реальна. Напомню, что северокавказский сепаратизм во всех его проявлениях перешел от этнического противостояния к религиозному. Вооруженное сопротивление в этом регионе носит ярко выраженный исламский характер. Именно религиозная нетерпимость питает экстремистские акции у наших соседей в республиках Средней Азии. Да и в России не все спокойно с точки зрения межконфессиональных отношений, ведь именно религиозные экстремисты в Татарстане и Башкирии воспитывали неприязнь к носителям других религий и в ряде случаев стали пособниками и даже участниками чеченских боевых действий.

Хотелось бы привести еще один интересный вывод, сделанный профессором С. Филатовым (Институт Европы РАН). На основе представительных социологических исследований он пришел к заключению, что в Советском Союзе был «замутнен» атеизм, потому что он был официальной установкой и идеологическим ориентиром, и люди называли себя атеистами (неверующими) потому, что так было надо. Теперь, по его мнению, «замутнена» вера, так как большинство тех, кто частично веровал, с таким же легким сердцем покинули ряды атеистов и провозгласили себя верующими.

Если мы хотим сплотить подрастающее поколение, мы должны *предложить ему обучение всех его представителей объединяющей их всех единой светской духовно-нравственной этике*, общей для всего человечества. И только тогда, когда будут усвоены эти основополагающие нормы и требования, можно будет перейти к особенностям этой этики (нравственности), дав ученикам (по их желанию) знания о том, что характерно для той или иной религиозной культуры. Но в таком случае и учителей надо готовить главным образом по общему, объединяющему предмету, что позволит снять многочисленные претензии представителей как основных, так и малочисленных конфессий, не считая других религиозных групп и течений.

И главное, сама эта стратегия – внедрить религиозные знания в светскую школу – глубоко ошибочна, так как своей генеральной установкой она обращена в прошлое, в то время как в общественном сознании нужно видеть новые тенденции. Эти тенденции вызревают во всем мире и выражаются в частности в ослаблении религиозного влияния, а также в его деинституционализации и индивидуализации. Анализ ситуации во всем мире, в том числе и христианском, показывает, что «секуляризация» ведет не к умиранию религии, а к видоизменению ее социальных и культурных функций: религия уходит из общества в область индивидуального, персонального бытия человека,

институциональная религиозность заменяется личностной»¹⁷. К сожалению, усилия РПЦ направлены на процесс укрепления ее институциональных основ, а не на учет новых тенденций в общественном сознании, в сердцах и умах людей. Церковь опять повторяет ошибки, неоднократно совершавшиеся в прошлом: она ориентируется на догматику, на то, что знают просвещенные, и на то, что это просвещение (в данном случае христианское, православное) необходимо нести в массы без учета того, о чем думают эти массы, о чем они размышляет, что их тревожит, привлекает или вызывает отторжение. А ведь такую стратегию и тактику мы уже проходили, хотя и под другими знаменами. Почему же опыт истории нас опять ничему не учит?

К этому следует добавить еще один штрих. На наш взгляд, церковь приобретет еще больший авторитет и поддержку, если она будет оберегать душу и ум человека от всяческих соблазнов, займется такими общественно значимыми функциями, как благотворительность, помощь сирым и обиженным, возьмет шефство над больницами и детскими домами, обратит внимание на культурную идентификацию, примет участие в укреплении нравственных норм, будет оказывать содействие социальной интеграции. Поэтому вызывает тревогу то, что церковь пытается слиться с действиями государства, идет на поддержку всех его акций, не поднимает голоса против весьма спорных начинаний (например, в истории с монетаризацией льгот). Исторический опыт показывает, что если церковь слишком сближается с властью, не следует собственной позиции, то она может разделить судьбу власти, как это случилось в 1917 г., поскольку тогда церковь не выглядела самостоятельным и самодостаточным феноменом в общественной жизни России.

Иначе говоря, религии и ее институтам – церкви – следует помнить один исторический урок: у них есть дела, которые выше политики и идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: Известия. 2002. 2 февраля.

²См.: Недумов О. Школьников будут обучать православию // Известия. 2004. 5 февраля.

³Известия. 2004. 28 января.

⁴См.: Абдулагатов З.М. Современная религиозная ситуация в Дагестане (процессы мусульманского возрождения) // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. – С. 66, 88.

⁵НГ-религии. 2005. 13 июля.

⁶Известия. 2005. 9 июня.

⁷НГ-религии. 2005. 15 июня.

⁸Бажанов В., Учайкин В. Где Бог, а где порог? // Поиск. 2001. 2 марта.

⁹ Там же.

¹⁰ Известия. 2002. 31 августа.

¹¹ См.: *Комаров Е.* Клерикалы пошли в атаку на светскую школу // Новые известия. 2002. 10 декабря.

¹² См.: *Клин Б.* Церковь опасается контроля над личностью // Известия. 2006. 5 июля.

¹³ Религия для школы без оценок и догм // Новые новости. 2010. 1 февраля. Электронный ресурс. Режим доступа: http://inbox.ru/futhority/state/2010/01/29/ryeligiya_v_shkolye.phtml.

¹⁴ Цит. по: *Аузан А.* Договор 2009: Исчерпание контракта // Новая газета. 2009. 16 июня.

¹⁵ См.: *Крутиков Е. Попова С.* Книжные черви // Известия. 2000. 25 декабря.

¹⁶ *Лебедев С.Д.* Две культуры: религия в российском светском образовании на рубеже XX – XXI веков. – Белгород: БГУ, 2005.

¹⁷ *Журавский А.* Религиозная традиция в условиях кризиса секуляризма // *Континент.* 2004. № 120; *Подберезский И.В.* (Вне)очередной закат Запада? Будущее религий, будущее цивилизаций // *Мировая экономика и международные отношения.* 2009. № 2. – С. 103.

Аннотация

В статье дается анализ взаимодействия светского и религиозного образования, процесса его все возрастающей клерикализации в современной России, что закладывает еще один из опаснейших социальных истоков напряженности: наряду с экономическим, социальным и этническим расколами общества создается еще и конфессиональный, который по своим последствиям может представлять огромную угрозу для сбалансированного развития общества. Рассматриваются конкретные акции, предпринимаемые в основном православными и мусульманскими иерархами, а также неопределенность и уступки государства религиозным амбициям теократов.

Ключевые слова:

религия, образование, основы православной (мусульманской, буддийской и иудаистской) культуры, светская этика, клерикализм, теократия.

Summary

The article is devoted to analysis of interaction of secular and religious educations, growth of clericalization of contemporary life in Russia. It is the very dangerous reasons of social tense. Besides economic, social and ethnic splits of society a confessional confrontation appears, and it has the negative consequences and presents a great threat for harmonic social development. The author considers the concrete actions of Orthodox and Muslim churches and also making concessions from state to religious ambitions of theocrats.

Keywords:

religion, church, education, foundations of Orthodox, Muslim, Buddhist and Judaic culture, secular ethics, clericalism, theocracy.